

Дм. Кривцов

Партизан пустоты

Дм. Кривцов

Партизан пустоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160715

ISBN 9785448313530

Аннотация

В одно время возник блог «Бедной девушке», куда автор заносил время от времени свои замечания о происходящем вокруг. Затем стало ясным, что происходящее внутри представляется автору куда более интересным. А ещё позже выяснилось, что ни внутри, ни тем более снаружи ничего не происходит. Блог закончился, а чтение написанного в нем более всего напоминало путешествие сквозь пустоту. Но вдруг неожиданно для автора выяснилось, что среди пустоты существуют загадочные партизанские тропы. И они здесь.

Содержание

≈	6
Утро для Анастасии	7
Мириам	9
Фея Фея	10
Розалинда Карловна и ее черепаха	11
≈	13
Точное время /Теперь, когда не время для стационарных связей/	15
Люди С Зонтиками, Ждущие Трамвая	19
Романс	22
Брокколи Три Луны	25
≈	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Партизан пустоты

Дм. Кривцов

© Дм. Кривцов, 2016

ISBN 978-5-4483-1353-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

أمنتخب خلائكم من الحق أمنتخب يرى
أمنتخب خططك بجمع علم
أمنتخب؟ الاسم لماذا قلب ظهر عن يعرفك
فرعون زوجته والعطاء الأسم فرعون زوجة
في كنت لماذا وتبين فرعون عيون زوجة الويسكي طعم أقوى
فرعون؟ زوجة التي حاجة
يرونه من أكثر تصرف إخوانكم والبهجة الحكمة زملائك
المزي لنا المظن الفراغ أصمار، مرحبا شيء كل فهمت الآن تفعل
ساميا كما في السمرينين من د
صمت في الغناء مواصلة

Аменхотеп видит тебя насквозь
Аменхотеп в курсе всех твоих планов
Аменхотеп знает тебя наизусть
На кой ты сдался Аменхотепу?

Жена фараона смугла и нежна
Жена фараона на вкус крепче виски

У жены фараона глаза, как инжир
На кой ты сдался жене фараона?

Собратья твои мудры и бодры
Собратья твои знают дальше, чем видят
Теперь ты всё понял. Привет, партизан пустоты!
Плесни нам ещё скипидару в самбуку и дальше
пой молча.

Из застольной песни древнеегипетских жрецов-анахоретов

*что ж он мечется, болезный
от окна к глухой стене,
одинокий, бесполезный,
да и трезвый не вполне
где повсюду быт бетонный,
глухомань хоть волком вой,
то смеется, как картонный,
то рыдает, как живой,
слепо в пустоте играет, —
ничего не изменить —
и горит, перегорая,
как вольфрамовая нить*

Утро для Анастасии

Утро начинается так.

Скрипом ветра дверь приоткрывается и через щель шмыг – вот оно, здесь.

Заговорит сквозняком про то, что вот есть всем нужная вещь фитнес, да к ней ещё машина положена такая, что сама стирает, гладит и посуду моет. И, поскольку есть оно всё у каждого, то пора, мол, задуматься о проблеме зануления, которое в их трехфазном двигателе способно в час погубить это общечеловеческое счастье.

А Анастасии – куда оно? В доме пол – рухлядь, да потолок – косые разводы в трещинах.

Что ей до трехфазного заземления?

Сидит на крыльце, смотрит на покой восходу, думает: и вроде не беспутная, чтобы у меня, как у всех людей, – да не выходит.

А мимо соседка Дарья проедет. В машине мерседес, в багажнике ботва с надписью sale.

– Доброе утро! – говорит Дарья.

Вскинет Анастасия челку, ответит:

– Вечер покажет, насколько доброе.

– И то правда, – скажет Дарья, да поедет дальше по своим делам.

Анастасия смотрит ей вслед.

На то, как поднимается пыль по дороге, как пропадет за поворотом или под горкой, да появится снова. То коробком, то точкой. А потом только дым с выхлопной трубы.

А после и дыма не останется.

Одна дорога.

Мириам

Мне легко у господина на ладони.

Я не из тех, кто пытается прыгнуть, топтать ногами, пить алкоголь и резать вену в заботливой ванне.

Я податливо щурюсь лучу солнца, что щекочет мне ресницы, и довольна игривому ветру, смахивающему брызги света с щёк.

– Мириам, Мириам! – слышу я.

Но даже ухом не поведу. Пускай понервничают да побеспокоятся. Тем более, что там, с болот, хриплое пенье капитана «Хэй-хэй, если есть на свете порт всех морей, – похоже, что он где-то здесь» почти перебивает их крик.

Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы так было всегда. Но.

Но этот запах каштанов, этот вкус свежеспеченных облаков – никуда не деться – снова заставляет меня спускаться вниз ещё раз подразнить старушку вечность своим невзрачным присутствием.

Фея Фея

– И, знаешь ли, милочка, – сказала Фея, – всё-таки восемнадцать есть восемнадцать. Тут уж... Лесник он или хер собачий.

Та вскрикнула, зарыдала всхлип, бросила ладони к лицу и кинулась прочь.

«Ну и пошла ты нахуй, – подумала Фея. – Горох перебирай. У самой жизнь не сахар: крысы да тыквы».

– Не вернусь я походу, – сказала она, обратившись к своей единственной подруге – Волшебной палочке.

Та – клонув через стеклянную перегородку истлевшей стороной в дно неубранной пепельницы – продолжила догорать уже ни для кого. Просто так.

Раз уж подождли.

Розалинда Карловна и ее черепаха

Розалинда Карловна пила графинчиками.

Если в графинчике оказывалось что-то кроме водки, она очень сокрушалась, качала головой и цокала языком. Говорила она при этом так: ай-яй-яй. И больше уже к этому графинчику не прикасалась.

Ежели в графинчике оказывалась водка, Розалинда Карловна удовлетворенно вздыхала, кивала головой, после чего употребляла графинчик уже полностью. Потом она промокала губы кружевным фартуком и, не обращая ни к кому, шептала так: Данке шон.

При этом ее старая черепаха из вида *Geochelone elephantopus abingdoni*, предметом мебели стоящая в углу, вытягивала шею из панциря и подмигивала Розалинде Карловне.

Тогда Розалинда Карловна краснела, кокетливо грозила черепахе пальчиком, поворачивалась и шла в кухню, виляя огромными бедрами и поправляя сбившуюся прическу на голове.

Казалось, она что-то напевала и уж совершенно точно забывала в эти минуты, что она давным-давно как умерла, в квартире ее обитают совсем чужие и не знакомые ей люди, которые вначале и удивлялись, а потом перестали, отчего старая запылившаяся черепаха в углу временами ни с того

ни с сего вытягивает морщинистую шею и подмигивает кому-то, слепо глядя мимо них.

Или, что даже точнее, сквозь них.

плачь, бодряжь святую воду.
знаки Дао на заборе.
воздух жметя к небосводу
моряки уходят в море.

выход ангелов наружу
губы сжато ритму вторят
музики уходят в стужу
моряки уходят в море

в край, где глина и ухабы
у хранителей в фаворе,
насовсем уходят бабы
моряки уходят в море

что ж так хочется в Минатом
облученным априори
просвещать туземцев матом
моряки уходят в море

слово – чтобы загудело,
песней растворилось в хоре
и кому какое дело
моряки уходят в море

—

*а за вишней
третий лишний
через слой дождя,
три снега
спит и видит сны Всевишний
души – место для ночлега
в море – что бы там не плыло —
брызг осколками утешусь
а не то – веревка, мыло
скучно тут
пойду повешусь*

Точное время /Теперь, когда не время для стационарных связей/

В поселке Парголово на домах отродясь не водилось обычных табличек с адресами (типа круглых таких с номером по центру и названием улицы по дуге с затейливой крышей). Дабы новый раз в столетье почтальон не попадал в неловкое положение, владельцы домов писали масляной краской – кто на дверях, кто на калитках, кто на заборе – «Пляжевая (sic!) ул., дом 14а», «Заводская, 4», «Ул. Ломоносова, д.28».

Вот как раз на углу той самой улицы «ломоносова» и той самой «пляжевой» находилась одиноко стоящая телефонная будка.

Летними вечерами ко всеобщему изумлению будка начинала подсвечиваться тусклой лампочкой под потолком и к ней, неспешно обмахиваясь какими-то веточками, собирались дачники позвонить в город и рассказать, что у нас всё хорошо, саша всё ещё кашляет, но температуры нет, нет-нет, какое купаться, конечно, как у вас?, и, ну ладно, тут народу много в очереди.

Народу много терпеливо ждало, выделяя из себя следующую

щего, который, зайдя в будку, закрывал за собой скрипучую дверь (смысла в этом не было никакого – хоть одно стекло, но обязательно было выбито), раскладывал на неровно покрашенной металлической полочке чуть правее и чуть ниже аппарата растрепанную записную книжку, готовил двушки, прислоняя к уху теплую от предыдущего говорившего трубку, и ждал сквозь гулкий шорох того самого гудка.

Потом вертел непослушный циферблат, иногда застревая в отверстиях пальцем, а иногда упираясь в железный ограничитель (дальше цифр нет!) и ждал момента, когда в ухо раздастся нетерпеливое «аллё» и можно будет опустить в чрево аппарата теплую монету (раньше времени не следует – может сожрать). Монета щелчками преодолевала несколько препятствий на своем пути и исчезала навсегда: никто и никогда не видел, чтобы к будке подъезжали люди с мешком и опустошали аппарат, об этом только рассказывали.

Очень плохо было, если там – на другом конце – оказывалось занято. Ведь понятно, что мама-сестра-тетя-бабушка там обязательно должна в это время сидеть на табуретке около своего аппарата на тумбочке с подстеленной какой-нибудь тряпochкой, может, даже с кружевами и вставленной в специальную секцию бумажкой с собственным номером – ждать звонка. И если вдруг кто-то позвонит ей, закричать «ой, я перезвоню, мне сейчас петя-даша-мои должны звонить». А тут вдруг занято. Звонящий тогда осуждающе качал головой, де-

монстрируя всем окружающим, что вот мол какие они там, в страхе, что стоящие в очереди начнут нетерпеливо стучать монетами по стеклу. Ужас как неловко. А иногда ещё звонящий поворачивался к очереди и говорил виновато «нет связи». Очередь тогда добрела и говорила «а вы попробуйте ещё».

Если же всё складывалось удачно, то разговор мог и затянуться. При этом человек в будке в задумчивости водил пальцем по железной табличке на аппарате с номерами телефонов, по которым следует звонить в случае чего. Иногда даже время заканчивалось и требовалось засунуть в аппарат новую монету (или две по копейке), чтобы продолжить разговор. Тогда очередь недовольно вздыхала. А если после этого человек пытался, закончив один разговор, позвонить по другому номеру – это уж было совсем неприлично, требовалось выйти и снова встать в конец очереди, – готовилась стучать монетами в стекло. Человек в будке от этого сразу краснел, быстро заканчивал разговор, суетливо собирал листочки с полочки и, сутулясь, уходил прочь.

А ещё около этой будки собирались подростки на велосипедах. Курили, смеялись, куда-то уезжали и возвращались. Их становилось то больше, то меньше, иногда прибежала толстая женщина в домашнем и кричала «коля, ты же сказал на десять минут позвонить». Коля объяснял, что очередь, мол, но был уже забран домой. Потихоньку люди расходи-

лись, разговоры становились всё тише.

Вокруг гасли окна.

Изредка прибегал полураздетый мужик вызвать скорую. Дверь скрипела и снова затихала.

А потом оставался один парнишка с велосипедом. Он заходил в будку, прижимал к уху остывающую трубку, набирал 08 и слушал, как строгая тётенька ровным голосом говорила: «Точное время (пауза) двадцать три часа (пауза) восемнадцать минут... Двадцать три часа (пауза) восемнадцать минут... Двадцать три часа (и после паузы с осуждением – мол, хватит хулиганить, мало ли кому ещё нужно узнать точное время и не дозвониться!) девятнадцать минут...». Тогда паренёк вешал трубку, выходил из будки и уезжал куда-то на своём велосипеде.

Вот так однажды он уехал и уже не вернулся.

А тётенька, если кто не знает, хоть состарилась, но всё ещё ходит на работу, озадаченно глядя на молчащий телефонный аппарат, со временем как-то реже и реже задумываясь, отчего же больше никого не интересуется точное время. Может, что-то я сделала не так, тогда тревожится она.

Но уже никто и никогда ей не ответит.

Люди С Зонтиками, Ждущие Трамвая

Как-то раз в одном городе, в котором каждое природное явление, включая, скажем, радугу, случись оно, вызывает незамедлительный и решительный коллапс дорожного движения в любом направлении, оказался дождь.

Нельзя сказать, чтобы это был какой-то особенный дождь. Обычные такие ручейки воды, мятущиеся туда-сюда по привычному маршруту вниз. Но явление это было определено природным и оттого, как было сказано раньше, автомобили недовольно загудели друг в друга, копошась у каждого перекрестка. Троллейбусы обреченно опустили дуги, унылые, как усы пропившего последнее несвое боцмана; автобусы завоняли из-под себя черным резиновым дымом.

И всё с тоской остановилось.

На той узкой полосе между неровными как ни смотри полосами трамвайных путей и стадом бессмысленно шуршащих дворниками машин, что в каком-то Генеральном Проекте зовется остановкой трамвая, зачем-то толпились странные люди. Каждый держал в руке устремленную вверх палку, а вместо головы имел тряпочный или какой там купол.

Это были Люди С Зонтиками, Ждущие Трамвая.

Хотя, повторюсь, было очевидно, что трамвая нет и не будет в связи с дождем.

Тем не менее, людей на этой узкой полосе становилось всё больше и больше, и глядя на них, я испугался, что сейчас они повыкальвают друг другу глаза, ибо прикрывающие их купола мало того, что опускались ровно на уровне глаз, но и были также предусмотрительно по всему периметру снабжены острыми штырьками.

Но – чудо – никто не воскликнул в этой толпе:

– Мужчина, как вам не стыдно – вы мне выкололи глаз!

И не услышал в ответ обычное:

– Не глаз и был!

Или:

– Одним обойдешься!

Или даже так:

– Не нравится без глаза – езди на такси!

Нет. Дивная толпа хранила гнетущее молчание, игнорируя даже настойчивый полифонический хрип мобильных телефонов.

И тут мне стало страшно. Мне открылась причина этого

покорного молчания.

Дело в том, понял я, что у Людей с Зонтиками, Ждущих Трамвая, просто нет глаз. Совсем нет. И нет ушей. И рук с ногами, честно говоря, тоже нет. Не говоря уже о прочем.

Между нами говоря, у них вообще ничего не было.

Ничего, кроме уставших тел и бессмертных душ.

Романс

Пухлые пальцы теребили упругие струны.

– *А я читала Вас на Open Space...*

Маленькая гитара развратно вжималась в упругие груди. Музыка своей непосредственностью разбавляла тишину этого знойного вечера на веранде.

– Погоды нынче, – многозначительно изрекла ее мамаша под ритмично вращающимся кулером.

– Папенька, папенька – двое в матросках, на первый взгляд близнецы, но – приглядишься – погодки, – ворвались на веранду:

– Там менты Марфушку оттююндрили!

– Эх, проказники, – виновато произнес отец, улыбаясь в густые усы.

– *Пиратский диск мне выдал за реальный*, – лилась песня...

Папенька гладил по жопкам детей, прислушиваясь к неза-

тейливой мелодии, ворчливо по-стариковски бурча в усы:
айн масс, либбен, маленькие сучонки...

Вечерело.

Студент Петр продолжал бить себя об стену головой.

– Я больше не выдержу этого, не выдержу..

– Анально оттюндрили, – уточнил один из мальчиков.

– О, майн готт, – сказал в паузе студент Петр.

– Чу, выпиздыш, – ласково потрепал по загривку соседского случайного и совсем другого мальчика папаша.

Почуяв неладное, мамашо зевнуло:

– Пора и клубники отведать!

– Мороженую с «Пятерочки» изволите? – почтительно, но вместе с тем с издевкой, прозвучало со стороны.

– *В маршрутке разрешиш мне стоя,* – гнусавила неведомым потоком над рекой песня.

И заблудившиеся комары образовывали над недопустимой прической и обувью с печально открытыми пальцами

ног некий полукруг, как будто опасаясь тлеющего сей песней, будившего всё вокруг сердечного фумигатора.

Подали клубнику.

Брокколи Три Луны

Тут, конечно, есть два обстоятельства.

Во-первых, если вы заняты чем-то серьезным. Целуете в губы собаку, например. Или ребенка ведете в музыкальную школу. Своего. Хотя это может быть и неважно.

Во-вторых, если вы настроены решительно. Скажем, купить эту вещь. И вообще, вдумчивы по жизни.

Конечно, при таком раскладе, вам и бояться нечего. Ну, расспросов там, разговоров со стороны.

А я-то – боюсь любого обращения – что спроси меня, как я отнесусь к китайцам в Тамбове, что – как от метро Владимирская без пересадки доехать в Купчино.

И тут – в выходные – покупаю замороженную капусту брокколи. Это маленькие такие зеленые кочанчики в западных пакетах

В жизни бы я такое есть не стал. Но, если бы покупал себе, – то все равно. А так – поскольку не себе – все примеряюсь к пакетам, какой из них поменее замороженный и где кочаны поровнее.

Вдруг девушка подходит лет эдак двадцати в красном берете.

– Любите брокколи? – говорит.

Ну, как я уже раньше писал, насторожился. Молчу.

– Это, – говорит девушка, – может и правильно в силу калорий, но напрасно.

– Сегодня, – продолжает, – в час-двадцать ночи все может стать напрасно. В небе, – говорит, – будет три луны. Вообще-то, они всегда там, но именно сегодня, именно в час-двадцать – такое время, что их любой увидит.

Слушаю, молчу. Думаю, лучше бы она меня спросила, как до Просвещения отсюда доехать. Хотя все равно.

А она продолжает.

– Первая, – говорит, – луна – это то, какими мы себя видим. Вторая – какие мы есть. Ну а третья – какими должны быть.

И смотрит так на меня выжидающе.

– Это, – говорю, – здорово. Заебись даже. Но капусту-то можно взять?

– Да берите вы своих брокколей, – вздыхает она разочарованно и уходит.

Ну я и взял.

Домой принес, в морозилку сунул. Тоже пиздец – что им там лежать, что тут.

А ночью проснулся, курить пошел. Светло сейчас стало, свободно. Весна как-никак. Стою у окна, смотрю, как шумно фура паркуется. Тут сверху глаз резануло. Какой-то осколок

луны сверху появился.

Опаньки, думаю. Вот оно. Три луны.

Посмотрел на часы. Один-восемнадцать.

Конечно.

Затушил сигарету

Какими мы себя видим.

Какие мы есть.

Какими мы должны быть.

Фура успокоилась.

Окурок отважно продолжал тлеть.

Восемнадцать минут решительно стали девятнадцатью.

Кажется, холодало. А, возможно, и нет.

Я отвернулся и пошел спать дальше.

*есть мягкие пальцы стареющих вдов,
есть призраки на пепелище,
есть люди, живущие вне городов
есть звери, идущие в пищу,*

*есть трезвый закон подчиненья всему,
есть радость плетущих интриги,
есть вещи, доступные только уму
есть люди, попавшие в книги,*

*есть демон и дух, ожиданье и час,
есть некто, кто любит до гроба,
есть тот, кто придет исповедовать нас,
есть мистификация сноба,*

*есть гордость людская, людская молва,
есть повод родиться по новой,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.